

Зазначена трактовка співвідношення інваріантного та варіантного значень номінатемами може бути вжита при моделюванні, наприклад, комп'ютерного перекладного словника, а також в практиці навчання іноземних мов, налаштованій на телеологічну свідомість учня.

БІБЛІОГРАФІЯ

1. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурологический аспект когнитивной семантики // Русистика: сб. научн. тр. – М. – К., 2002. – № 2. – С. 16-22.
2. Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. – М.: Учпедгиз, 1957. – 296 с.
3. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та 1996. – 104 с.
4. Вандриес Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю. – М.: УРСС, 2004. – 408 с.
5. Васильев Л. М. Современная лингвистическая семантика : учебн. пособие. – М.: Высшая школа, 1990. – 176 с.
6. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М. : Русские словари, 1997. – 411 с.
7. Венжинович Н. Ф. Концептуальна й мовна картини світу як похідні етнічних менталітетів // Лінгвістичні студії: зб. наук. праць. – Донецьк: ДонНУ, 2006. – Вип. 14. – С. 8-12.
8. Дегтярев В. И. Основы общей грамматики. – Ростов : Изд-во Ростовского университета, 1973. – 256 с.
9. Дмитриева О. А. Культурно-языковые характеристики пословиц и афоризмов (на материале французского и русского языков) : дисс. ... кандидата филол. наук : 10.02.20. – Волгоград, 1997. – 202 с.
10. Звегинцев В. А. Семасиология. – М.: Изд-во МГУ, 1957. – 322 с.
11. Зусман В. Т. Концепт в культурологическом аспекте // Межкультурная коммуникация: сб. научн. трудов. – Н. Новгород: Изд-во НГУ, 2001. – С. 38-53.
12. Левинский В. В. Семасиология. – Вінниця: Нова книга, 2006. – 512 с.
13. Мурашов Р. З. Словообразование и теория номинации // Вопросы языкознания. – № 2. – 1989. – С. 39-53.
14. Никитевич В. М. Основы номинативной деривации. – Минск : Вышэйшая школа, 1985. – 158 с.
15. Образное мышление // Социально-гуманитарное и политологическое образование. – М.: РУДН, 2004. – Режим доступа: <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/70066>.
16. Попова З. Д. Стернин И. А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. – Воронеж, Изд-во ВГУ, 1999. – 186 с.
17. Тараненко А. А. Языковая семантика в ее динамических аспектах. – К.: Наукова думка, 1989. – 254 с.
18. Тазетдинова Р. Р. Языковой концепт как базовый термин лингвокультурологии // Межкультурный диалог на евразийском пространстве : международная научная конференция, Уфа, Башкирский государственный университет, 30 сентября – 2 октября 2002 г. : материалы. – С. 1-3. – Режим доступа : http://www.bashedu.ru/evrazia/f_s/f_tazetdinova.rtf.
19. Теркулов В. И. Слово и номинатема : опыт комплексного описания основной номинативной единицы языка. – Горловка: Изд-во ГПШИЯ, 2007. – 240 с.
20. Теркулов В. И. Композиты русского языка в ономазиологическом аспекте : дисс. ... доктора филол. наук : 10.02.02. – Горловка, 2007. – 403 с.
21. Шмелев Д. Н. Современный русский язык : Лексикология : учебн. пособие. – М.: Просвещение, 1977. – 253 с.

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРА

В'ячеслав Теркулов – доктор філологічних наук, проректор з наукової роботи Горлівського державного педагогічного інституту іноземних мов.

Наукові інтереси: композитологія, ономазіологія, теорія номінації.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА: ЯЗЫК ИДИОСТИЛИЯ ПИСАТЕЛЯ

Елена ФОМЕНКО (Запорожье, Украина)

У статті розглянуто функціонально-лінгвістичну типологію художнього тексту в перспективі моделювання мови ідіостилу письменника. Лінгвотипологічні складові художнього дискурсу освоюються в мові однохронних ідіостилів письменників під впливом ядерного ідіостилу, що освоює з усією повнотою мовну модель художнього дискурсу епохи.

The article develops functional-linguistic typology of literary discourse from the perspective of modeling the language of writer's idiosyncrasy. The synchronous idiosyncrasies of writers are involved in the process of integrating linguistic-typological constituents of literary discourse under the influences of the core idiosyncrasy that advances in completeness the language model of literary discourse of the epoch.

1. Постановка проблемы. Настоящее исследование развивает функционально-лингвистическую типологию художественного текста как лингвистическое направление, открывающее целый ряд перспектив для моделирования художественного текста в однохронных идиостилиях писателей, в том числе с выходом за рамки отдельного языка и культуры.

Данное направление занимается изучением лингвотипологических составляющих, сближающих однохронные идиостили писателей в лингвотипологической модели художественного текста своего времени. Фундаментальной является мысль о том, что однохронные идиостили писателей по-разному участвуют в освоении языкового потенциала эпохи. Ядерный идиостиль писателя наиболее последовательно воплощает

лингвотипологические принципы, закрепленные художественным дискурсом своего времени. Одни идиостили писателей проводят трансформационный радикализм, обновляя язык художественной литературы под влиянием ядерного идиостиля писателя, в то время как другие остаются в рамках традиционной модели, унаследованной от прежних эпох. Функционально-лингвистическая типология художественного текста изучает язык однохронных идиостилей писателей с целью выявления лингвотипологических черт в художественном тексте конкретной эпохи.

Функционально-лингвистическая типология художественного текста перспективна для решения следующих долгосрочных исследовательских задач:

- 1) выявление лингвотипологических черт в художественном тексте одного языка и культуры конкретной эпохи;
- 2) выявление динамики лингвотипологических черт на разных этапах развития одного языка художественной литературы;
- 3) выявление лингвотипологических черт, разделяемых художественными текстами одной эпохи в разных языках и культурах.

2. Актуальность поставленной проблемы. Фундаментом для развития функционально-лингвистической типологии художественного текста служат междисциплинарные исследования, занимающиеся изучением художественного текста. К специфически лингвотипологическим проблемам относятся раскрытие сути художественного типа текста [10: 360], описание его лингвосомиотической концептосферы [3], выявление типов языковой организации и приемов конструирования художественного текста [12: 24], выяснение содержательной типологизации текста как его культурной целесообразности [2]. Становится очевидным, что языковые процессы в художественном тексте напрямую зависят от спектра возможностей эпохи и современного писателю языка художественной литературы [13: 106-107].

Развивая идеи Л.А. Булаховского, В.В. Виноградова, А.А. Шахматова, Р.А. Будагова о роли языка крупных писателей в истории художественного текста, исследователи расходятся в понимании идиолекта и идиостиля писателя. Одни полагают, что идиолект и идиостиль неразрывны [8: 38]; другие считают, что идиолект положен в основу идиостиля писателя как индивидуального стиля речи [10: 29]; третьи противопоставляют идиолект и идиостиль как норму общенародного языка и индивидуальный стиль писателя [9]. При этом подчеркивается, что только у крупных писателей идиолект выступает движущей силой развития стилевой системы языка [5: 32]. Например, в нормативно-центрической модели языковой личности акцент делается на индивидуальном когнитивном пространстве известного писателя [6: 9, 15]. Трудно возражать тому, что языком идиостиля писателя создается единый художественный мир [4: 251]. Однако язык художественной литературы не мог бы обновляться без совместных усилий однохронных идиостилей писателей, закрепляющих в своем языковом пространстве лингвотипологические черты художественного текста эпохи.

Мы исходим из лингвотипологической природы идиостиля писателя как носителя единообразного лингвотипологического варианта, осваивающего потенциал языка художественной литературы эпохи.

3. Лингвотипологическая концепция идиостиля писателя. В развиваемой нами лингвотипологической концепции языка в идиостиле писателя основополагающими являются следующие положения:

- 1) язык идиостиля писателя – это коммуникативно-когнитивное пространство языковой личности, создающей художественный дискурс, носитель единообразного варианта, лингвотипологические основания которого присущи художественному тексту своего времени;
- 2) лингвотипологическая модель художественного текста выстраивается пятью составляющими: когнитивно-пропозициональная лингвотипология на макроструктурном уровне, лингвотипология концептуальной целостности индивидуально-авторской концепции, лингвотипология персонажных антропоцентров, лингвотипология этноприоритетов в цветоцветовой картине мира и лингвотипология пространства и времени;

3) идиостили однохронных писателей совместно вырабатывают лингвотипологическую модель художественного текста и по своим языковым составляющим могут быть обобщены в коллективном идиостиле эпохи;

4) коллективный идиостиль эпохи образует общее когнитивное пространство художественного дискурса на разделяемых лингвотипологических основаниях;

5) наиболее последовательным проводником лингвотипологической модели художественного текста в коллективном идиостиле эпохи является ядерный идиостиль писателя.

Лингвотипологическая модель художественного текста исторически изменчива. Вплоть до начала XX века доминировала иерархическая (повествовательная, синтагматическая) модель художественного текста, сложившаяся в ходе длительной эволюции беллетристических текстов. Но на рубеже XIX–XX веков динамика действия, свойственная традиционной повествовательности, уступает дорогу действующему сознанию внутреннего человека, первичности языка, воплощаемому актуализующей прозой [1: 482]. Зародившись на французской и американской почве, актуализующая проза получает широкое распространение в англоязычном художественном дискурсе [18: 17]. Экспериментаторство Гертруды Стайн ускорило процесс свертывания традиционной повествовательности, ускорило поиск новых техник письма, передающих состояние сознания языком художественной литературы. Актуализующая модель, интерпретативная по своей природе [14: 153], объединяет однохронные идиостили писателей Дж. Джойса, В. Вулф, У. Фолкнера, Д. Г. Лоуренса, Э. Уортона, Т. Вульфа, Т. Манна, М. Пруста и целый ряд других понятием эпифании [18: 152]. Эпифания понимается нами как художественный принцип, философия познания возможного мира, сформировавшая мировой художественный дискурс XX века. В философско-филологическом смысле эпифаническая модель художественного текста раскрывает действующее сознание внутреннего человека в неоднозначных интерпретациях многопластного языкового пространства текста.

4. Эпифаническая модель художественного текста и ядерный идиостиль Джойса в первой трети XX века. Исследуя англоязычный художественный дискурс первой трети XX века, мы пришли к выводу о ядерности идиостиля Джеймса Джойса. Эпифаническая модель Джойса оказала влияние на язык художественной литературы всего XX века. Вслед за Джойсом, в художественном тексте последующей эпохи лингвотипологической нормой становятся текстовые аномалии. Они намеренно моделируются путем нарушения норм структурной организации художественного текста [7: 17].

В лингвотипологическом плане язык Джойса разделяет с однохронными идиостилами писателей первичность языка, высокоорганизованную ментальную структуру, двойственность смыслов в множасьих ассоциативных сетях, наложение эпифанической модели художественного текста на конвенциональную для прозаических систем формально-смысловую рамку, отказ от традиционного повествования в пользу производящей формы, многопластность текстовых структур, открытость текстов для многих принципов прочтения.

Язык художественного дискурса первой трети XX века обнаруживает ассоциативность, которая выходит за рамки отдельного художественного текста. Язык художественной литературы создает мощный и узнаваемый культурный пласт, в котором интегрируется весь культурный потенциал эпохи, опирающийся на философию, психоанализ, литературную критику, теорию словесности. Новаторство в языке художественной литературы способствует закреплению эпифанической модели художественного текста как познания человеком себя через первичность языка в художественном вымысле. В динамике, целостности и ассоциативности языка однохронных идиостилей писателей проявляется единообразие модели художественного текста эпохи. Одновременно ядерный идиостиль писателя не останавливается в языковом радикализме: с одной стороны, язык идиостиля Джойса накапливает новаторские языковые составляющие, которые, подхватываемые однохронными идиостилами писателей, возводятся в статус лингвотипологических; с другой стороны, язык идиостиля Джойса продолжает собственное движение вперед, осваивая весь потенциал современного ему языка художественной литературы и выходя в панъязыковое

пространство «Финнеганова помина», где основной англоязычный текст вбирает в себя элементы более, чем шестидесяти других языков мира.

Покажем, как функционирует язык идиостиля Джойса в ассоциативных повторах разных лингвистических уровней. В качестве контрольной проекции берется последовательность предложений в «Портрете художника в юности»: ... a sensation of spiritual dryness together with a growth of doubts and *scruples*. <...> His confession became a channel for the escape of *scrupulous* and unrepented imperfections” [15: 172-173]. Прежде всего, бросается в глаза однокоренной повтор “scruples”/“scrupulous”. Выделенное повтором прилагательное “scrupulous” выступает зависимым компонентом субстантивного словосочетания, главный компонент которого проецируется в первый текст “Дублинцев”, когда священник поясняет своему юному наставнику, что грех многолик (“such and such sins were mortal or venial or only imperfections”). Возникает дополнительная ассоциативная связь между “imperfections” и лексемой “confession”, также ключевой для текста “Сестер”. Через эти слова формируется ассоциативный ряд “sin”, “confession”, “shame”, “wound”, который узнаваем не только в “Портрете”, но и в “Джакомо Джойсе” и пьесе “Ссылные”. Джойсовское ключевое слово “escape” одинаково значимо и для “Дублинцев”, и для “Портрета”. Зацепление однокоренных лексем в “Портрете” формирует ассоциативную сеть, развиваемую “Улиссом”. Проекция из одного текста в другой создают эффект рождения “языка души”, о чем сигнализируют повторы лексемы “soul”. Поясним на двух примерах из “Портрета” и текста рассказа “Мертвые”.

His soul was swooning into some new world, fantastic, dim, uncertain, as under sea, traversed by cloudy shapes and beings [15: 196].

His soul swooned slowly as he heard [16: 256].

Оба предложения из разных текстов имеют одинаковые подлежащие, оба сказуемые выражены одной и той же лексемой; обе глагольные формы подчиняют себе адвербиальные элементы. Через лексемы “soul” и “swoon” происходит дальнейшее формирование межтекстовой ассоциативной сети. Прилагательное “new” в предложении из «Портрета» вызывает в памяти читателя застойную речь Габриэла с серийным употреблением этого прилагательного (“a new generation”, “new principles”, “new ideas”, “this new generation”). Аналогично лексема “world” из “Портрета” ассоциируется с бессоюзным сочинением, графически скрепленным двоеточием, в “Мертвых”: His own identity was fading out into a grey impalpable *world*: the solid *world* itself... was dissolving and dwindling [16: 255]. В свою очередь, данное предложение из “Мертвых” прямо ассоциируется с “Портретом” через повторы отдельных лексем. Это повтор глаголов “fade” и “dissolve”, которые являются словарными синонимами при доминанте ряда [death] (заголовок “The dead”). К сфере их действия относятся другие синонимы ряда, глаголы “depart”, “end”, “disappear”, “fade”, “sink”, “wither”, “yield”, частотные в идиостиле Джойса. Например: ...his own soul going forth to experience... *fading* slowly [15: 116];...than *fade and wither* dismally with age [16: 255]; Stephen’s heart began slowly to fold and *fade* with fear like a withering flower [15: 121]. В первом примере из “Портрета” словосочетание с основным компонентом “soul” выносится в позицию подлежащего (дополнительное пересечение с текстом “Мертвых” образуется прилагательным “own”, как и в “his own identity” из главного иллюстративного примера), использование наречия “forth” и глагола со значением “приобретать опыт”. Однородные члены предложения, выраженные глаголами “fade” и “wither” в “Мертвых”, повторяются раздельно как глагол и адъективированное причастие в “Портрете”. Образуется общий ассоциативный ряд: “forth”/“fade”/“wither”/“slowly”.

Далее, прилагательное “impalpable” интегрируется так, что в “Портрете” оно входит, одновременно с вышеупомянутым прилагательным “new”, в одно словосочетание: “a new soaring impalpable imperishable being” [15: 192]. Образуется ассоциативный ряд: “new”/“impalpable”/“world” (“new world” и “new impalpable” в “Портрете” и “impalpable world”, “new generation”, “new principles, “new ideas” в “Мертвых”). Наконец, глагольная форма продолженного вида “dissolving” в “Мертвых” проецируется в “the same dissolving moments” в “Портрете” [15: 173], теперь уже в форме адъективированного причастия.

Иными словами, ассоциативность проявляется в скрытых зацеплениях, обнаруживаемых в многократном прочтении текста, как ниже: Rain was falling on the chapel, on the garden, on the college. It would rain for ever, noiselessly. The water would rise inch by inch, covering the grass and shrubs, covering the trees and houses, covering the monuments and the mountain tops. All life would be choked off, noiselessly [15: 132].

Ассоциация с “горными вершинами” возникнет почти через сорок страниц спустя, в проекции текста ранней эпифании Джойса № 24, которая в “Портрете” актуализует союз человека со своей душой: ...bidding her arise, as for espousal, bidding her look forth, a spouse, from Amana and from the mountains of the leopards [15: 173]. Языковая матрица содержит лексемы, многократно пересекающие границы отдельных текстов Джойса. К таким лексемам относятся “escape”, “end”, “new”, “adventure”, включенные в следующее предложение: *The end* he had been born to serve had let him *to escape* by an unseen path and now it beckoned to him once more and *a new adventure* was about to be opened to him [15: 188]. Через них выходим на “Мертвых” и “Джакомо Джойса”. Связь между “escape” и “a new adventure” выявляется через словосочетание “with wild and radiant hearts to a new adventure” [16: 246]. Лексемы “hearts” и “wild” связывают “Мертвые” и “Портрет”: “the wild heart of life”, “a wild angel”, “singing wildly to the sea” [15: 195-196]. Подобные пересечения создают язык художественного дискурса как непрерывный ассоциативный поток, осваивающий языковой потенциал эпохи в узнаваемом лингвистическом универсуме. Примеры можно умножить, расширив ассоциативность выходом в однохронные идиостили писателей.

5. Выводы и перспективы. Однохронные идиостили писателей создают целостное языковое и концептуальное пространство, обогащающее историю языка художественной литературы закреплением лингвотипологических принципов, обеспечивающих преемственность художественного дискурса. Лингвотипологическая концепция идиостиля писателя открывает новые пути для описания языка художественной литературы: она выводит на единообразную модель художественного текста эпохи, выявляет процессы, способствующие закреплению языковых экспериментов прошлых эпох в качестве лингвотипологических для последующей эпохи, а также позволяет преодолеть изолированность описания языковых явлений в таком взаимосвязанном и многогранном организме как художественный дискурс эпохи.

БІБЛІОГРАФІЯ

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896с.
2. Галеева Н.Л. Параметры художественного текста и перевод. – Тверь: Тверской государственный университет, 1999. – 154с.
3. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 352с.
4. Диброва Е.И. Категории художественного текста //Семантика языковых единиц: Доклады VI Международной конференции. – Т. 2. – М.: МГОПУ, 1998. – С. 250-257.
5. Жайворонок В. Національна мова та ідіолект //Мовознавство. – №6. – 1998. – С. 27-34.
6. Карасик В. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 390с.
7. Короткова Л.В. Семантично-когнітивний та функціональний аспекти текстових аномалій у сучасній англомовній художній прозі: Автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.04/КНЛУ. – К., 2001. – 19с.
8. Леденева В.В. Идиостиль (к уточнению понятия) //Филологические науки. – № 5. –2001. –С. 36-41.
9. Лисенко Н.О. Опозиція ідіолект/ідіостиль. Ідіостилістична домінанта у Т. Осьмачки //Вісник ХНУ ім. В.Н.Каразіна. Філологія. – № 557. – Вип. 35. – 2002. – С. 85-89.
10. Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории, Аналитический минимум. – М.: Ось-89, 2005. – 560с.
11. Минералов Ю.И. Теория художественной словесности. – М.: Владос, 1999. – 360с.
12. Одинцов В.В. Стилистика текста. – М.: УАСС, 2004. – 264с.
13. Тураева З.Я. Лингвистика текста и категория модальности //Вопросы языкознания. – №3. – 1994. – С. 105-114.
14. Gillespie G. Proust, Mann, Joyce in the modernist content. – Washington, DC: The Catholic University of American Press, 2003. – 324p.
15. Joyce J. A Portrait of the artist as a young man. – L.: Penguin, 1996. – 288p.
16. Joyce J. Dubliners. – L.: Penguin, 1996. – 256p.
17. Kim S. Edith Wharton and epiphany. – Journal of Modern Literature. – 29 (3). – 2006. – Pp. 150-175.
18. Literature and culture in modern Britain. – Vol. 1: 1900-1929/Ed. C. Bloom. – L. and N.Y.: Longman, 1993. – 250p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Елена Фоменко – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики перевода, Классический частный университет, Запорожье

Научные интересы: функционально- лингвистическая типология художественного текста, лингвистическая теория художественного текста, язык англоязычного художественного дискурса первой трети XX века, язык идиостиля Джеймса Джойса.